

0-781044

На правах рукописи

БЕЛОУС АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОДСТВЕННЫХ СПИСКАХ
МИНЕЙНОГО ТОРЖЕСТВЕННИКА XV ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2009

Диссертационная работа выполнена на кафедре древних языков
ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Леонид Григорьевич Панин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ольга Григорьевна Щитова

кандидат филологических наук, профессор
Маргарита Петровна Алексеева

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный
университет»

Защита состоится 16 декабря 2009 г. в __ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО
«Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина,
36).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет».

Автореферат разослан «10» ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор *А. Захарова* — А. Захарова

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению вопроса о проявлении динамических процессов, сопровождающих деятельность церковнославянского языка, в различиях между родственными списками памятника церковнославянской письменности.

Актуальность исследования определяют три фактора. Во-первых, изменившееся в последние годы отношение к религии в российском обществе способствует возрождению интереса к истории церковнославянского языка и церковной культуре, при этом специальные научные лингвистические исследования феномена церковнославянского языка до сих пор остаются единичными. В связи с этим одной из насущных задач современной славистики признается выявление и описание целостной системы церковнославянского языка, её свойств и существенных характеристик. Работа над задачей ведется в нескольких направлениях: определением основных эталонных типов морфологических парадигм церковнославянского языка занимаются филологи Санкт-Петербургского университета под руководством проф. А. С. Герда; поздний этап истории церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.) составляет предмет рассмотрения московских исследователей А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой; характеристике ярких особенностей церковнославянского языка современного употребления посвящены публикации Ф. Б. Людоговского. Принципиально новая проблема описания церковнославянского языка как языка-консерванта, представляющего особое явление средневековой и современной культурно-языковой ситуации, поставлена и решается на базе Новосибирского государственного университета исследовательской группой проф. Л. Г. Панина. Определение же существенных характеристик языка, специфика которого определяется термином «консервант», невозможно вне постижения тех разнообразных типов движения, которые в нем наблюдаются. Во-вторых, главной задачей современной отечественной и зарубежной славяно-русистики остается комплексное изучение эволюции рукописных сборников разных видов в литературном процессе. Одним из важнейших её аспектов является системное исследование динамики сборников так называемого «устойчивого состава», к числу которых относится и минейный Торжественник. Решение же данной проблемы в первую очередь зависит от конкретного описания и анализа существующих вариантов творческой модификации состава и языка сборников. В-третьих, актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот **нового фактического материала**, а именно: выполнен электронный набор рукописных текстов, не привлекавшихся ранее к научному рассмотрению.

Цели и задачи исследования. Основная цель работы – выявить и теоретически обосновать зафиксированные родственными списками минейного Торжественника XV века динамические процессы церковнославянского языка.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1) путем сплошной выборки установить и охарактеризовать состав различий в списках трёх видов родства: относящихся (1) к одному протографу, (2) к одной редакции, (3) к разным традициям бытования сборника;

2) проанализировать причины и механизмы появления различий между списками и объяснить их своеобразие и регулярность в зависимости от степени родства списков;

3) охарактеризовать различия с точки зрения деятельности церковнославянской языковой системы;

4) определить механизмы языковой динамики церковнославянского языка;

5) оценить обоснованность описания церковнославянского языка как развивающейся сложнодинамической системы.

Объектом исследования явились различия в списках минейного Торжественника XV в. разной степени родства, а именно: 409 случаев разночтений между близкородственными списками, восходящими к одному протографу; 920 случаев разночтений между списками разных групп одной редакции и традиции; более 1000 случаев разночтений между списками разных традиций. **Предметом исследования** явилось отражение списками памятника динамики церковнославянского языка.

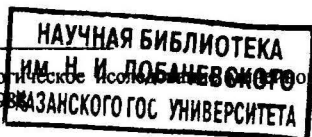
Источники исследования. Практической основой для отбора списков послужили результаты лингвотекстологического исследования минейного Торжественника, которое было осуществлено Л. Г. Паниным на материале рукописей XIV–XVI вв.¹

Методической основой отбора списков послужили следующие из теоретической части диссертационного исследования выводы о том, что:

1) анализ языковых различий в близкородственных списках одной группы в пределах редакции, минимально отстоящих друг от друга (или от общего протографа), позволяет сделать выводы о процессе появления в списках первичных языковых колебаний или флуктуаций первого уровня;

2) анализ языковых различий в списках разных групп в пределах редакции позволяет дать содержательную характеристику процессов варьирования;

¹ Панин Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск, 1988.

3) анализ языковых различий списков, принадлежащих разным традициям, позволяет судить о качественных сдвигах в системе церковнославянского языка.

В соответствии с этим для анализа нами были отобраны следующие четыре рукописи: 1) минейный Торжественник первой трети XV в. из собрания Рижской Гребеншиковской общины в Библиотеке Российской Академии наук, № 1, 271 л. (Риж-1); 2) минейный Торжественник 1438 г. из собрания графа А. С. Уварова в Отделе рукописей Государственного исторического музея, № 337-2⁰ (№ 63), 273 л. (Увр-337); 3) общий Торжественник 40-х годов XV в. из собрания Института истории Сибирского отделения РАН, № 53/71, 562 л. (ИИ СО РАН); 4) общий Торжественник конца XV в. из собрания Н. С. Тихонравова в Российской государственной библиотеке (Ф. № 299), № 185, 320 л. (Тхн-185).

Характеристика степени родства списков:

- близкородственные списки одной группы, максимально близкие друг к другу и восходящие к одному общему протографу: Риж-1, Увр-337;
- списки разных групп в пределах одной редакции (Новая редакция и традиции): Риж-1, Увр-337 (Первая группа) и ИИ СО РАН (Вторая группа);
- списки разных традиций: Риж-1, Увр-337, ИИ СО РАН (Новая традиция) и Тхн-185 (Древняя традиция).

Общий объём исследованных рукописных текстов – 1048 листов, собственно лингвистический материал, вошедший в диссертацию, ограничен 246 листами.

Методы исследования обусловлены поставленными задачами. Основным подходом к изучаемому материалу, к его систематизации и научному осмыслению избран лингвотекстологический. Кроме того, используются описательный и сопоставительный методы, а также элементы сравнительно-исторического и контекстуально-смыслового анализа. С помощью статистического анализа произведены количественные подсчёты и выявлены процентные соотношения.

Методологическую базу исследования составили: 1) разработки отечественных философов в области методологии гуманитарного познания: В. Д. Плахова, М. А. Розова, Г. П. Щедровицкого; 2) разработки отечественных лингвистов по общей теории языка в свете современных концепций оснований науки и лингвосинергетики: Е. В. Бондаренко, Т. Г. Галушко, И. А. Герман, П. Г. Гончаренко; 3) труды отечественных и зарубежных ученых по общим вопросам языкознания, в том числе по вопросам языковой эволюции: В. А. Аврорина, И. В. Арнольд, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. В. Бондарко, В. Г. Гака, В. К. Журавлева, Е. С. Кубряковой, Т. П. Ломтева, Г. П. Мельникова, Т. Н. Мельниковой,

Б. А. Серебренникова, Ш. Балли, Р. Келлера, Э. Сепира, Ф. де Соссюра, У. Лабова; 4) достижения лингвистов в изучении вариантности и изменчивости языка: Н. С. Валгиной, Н. Д. Голева, К. С. Горбачевича, О. А. Лаптевой, Н. Н. Семенюк, Т. И. Орловой; 5) работы по славянскому языкознанию, в том числе по общим и частным проблемам церковнославянского языка и лингвотекстологии: Е. М. Верещагина, Н. Н. Дурново, В. М. Живова, Л. П. Жуковской, В. В. Колесова, Л. Г. Панина, Р. Пиккио, Р. П. Рогожниковой, А. Б. Страхова, Н. И. Толстого, Ф. П. Филина; 6) общетеоретические положения работ российских исследователей по вопросам речевой природы текста и проблемам текстовой деятельности: Н. С. Болотновой, А. В. Бондарко, Т. М. Дридзе, Г. Г. Москальчук; 7) исследования по древнерусской литературе, в том числе по проблемам бытования сборников: Е. И. Дергачевой-Скоп, Р. П. Дмитриевой, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, О. Н. Фокиной, Т. В. Черторицкой.

Новизна исследования. На материале произведений, входящих в состав минейного Торжественника, впервые описаны динамические процессы, сопровождающие деятельность церковнославянского языка, и подтверждена выдвинутая гипотеза о том, что языковые различия в списках разной степени родства свидетельствуют о языковом движении. Предпринятое впервые описание различий с позиции степени родства списков, между которыми они отмечены, позволило выявить единую природу изменений, сопровождающих письменный памятник в процессе его бытования. Новизна работы также поддерживается введением в научный оборот неизвестного ранее фактического материала и его теоретическим осмыслением. В целом, в работе впервые теоретически обосновано рассмотрение церковнославянского языка как исторически развивающейся сложодинамической системы.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные в ходе работы выводы являются вкладом в разработку такой теоретической проблемы, как язык-консервант. Рассмотренные на материале конкретных фактов вопросы динамики церковнославянского языка важны для дальнейшего определения его сущностных характеристик и специфических признаков.

Практическая значимость исследования. Предложенный в работе теоретический конструкт для изучения развития церковнославянского языка, а также полученные в исследовании с его помощью результаты могут быть использованы в качестве базовых или проблемных для дальнейших разысканий в области истории древних и современных языков. Материалы исследования описывают динамические процессы церковнославянского языка и закономерности их отражения в списках

разной степени родства, что существенно дополняет имеющиеся в современной славистике сведения о специфике языка памятников церковнославянской письменности. Выявленные и охарактеризованные языковые различия, а также варианты творческой модификации состава сборника имеют практическое значение для дальнейших лингвотекстологических исследований и исследований по проблемам бытования древнерусских четых сборников, поскольку обеспечивают широкие возможности сопоставления разночтений и вариантов состава списков. Прикладное значение работы также определяется возможностью использования материалов исследования при составлении учебных пособий по истории церковнославянского языка и семинаров по лингвистической текстологии.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на научных и научно-практических конференциях различного ранга: 1) международных: конференция «Церковнославянский язык в системе современного религиозного образования» в рамках XVI Международных Рождественских образовательных чтений «Православные ценности и современное образование», Москва, 2008 г.; Международная научная конференция, посвященная 40-летию начала археографической работы в Сибири, «Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России», Новосибирск, 2005 г.; XLV Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс», Новосибирск, 2007 г.; 2) общероссийских: IX Научная конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» к 75-летию Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, 2008 г.; конференция «Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории», Москва, 2006 г.; 3) межрегиональных: IV Межрегиональная научно-практическая конференция «Сибирь на перекрестке мировых религий», посвященная памяти М. И. Рижского, Новосибирск, 2009 г.; IX Новосибирские Кирилло-Мефодиевские чтения, Новосибирск, 2008 г. Результаты исследования обсуждались на заседаниях и спецсеминарах кафедры древних языков НГУ.

Диссертационная работа получила финансовую поддержку аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2000–2010)», проект № 2.1.3/6794 «Древнерусский четий сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)».

По теме диссертации опубликовано 8 статей, 2 из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих в себе пять параграфов, заключения, списка отсылочной и

цитируемой литературы и пяти приложений. Приложение 1 представляет собой сравнительную таблицу состава списков. В качестве Приложений 2, 3, 4 и 5 помещены гомилетические и агиографические тексты из рассмотренных списков с указанием разночтений.

В работе выдвигается гипотеза: Языковые различия в списках памятника церковнославянской письменности, имеющего длительную традицию рукописного бытования, свидетельствуют о динамических процессах в системе церковнославянского языка, включая развитие.

Положения, выносимые на защиту:

1. Церковнославянский язык обладает собственной органической динамикой, основанной на нетождественности воспроизведения в тех или иных условиях (среде) образцов языковой деятельности, первоначально заданных переводами святых Кирилла и Мефодия.

2. Динамическое существование церковнославянского языка обеспечивают три категории процессов, составляющих его системное бытие: 1) краткосрочные изменения, или флуктуации, протекающие на периферии системы; 2) среднесрочные изменения, или процессы варьирования, аккумулирующиеся в средней зоне; 3) долгосрочные изменения, или процессы развития, затрагивающие ядро системы.

3. Проявление динамических процессов, характеризующих систему церковнославянского языка, эмпирически наблюдается в различиях между списками разной степени родства.

4. Степень родства списков позволяет соотнести выявленные различия с фактором лингвистического времени. Упорядоченное в соответствии с ним расположение изменений детализирует картину развития церковнославянского языка.

5. Церковнославянский язык представляет собой открытую исторически развивающуюся динамическую систему и проявляет все её свойства.

Основное содержание работы

Во введении раскрывается актуальность, научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, формулируются её цель и задачи, определяется объект, предмет, методологическая и эмпирическая база исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Церковнославянский язык как развивающаяся система» посвящена определению и аргументации теоретических основ исследования и объединяет в себе два параграфа.

В §1 «Проблема развития церковнославянского языка и её отражение в научной литературе» анализируется возникновение,

разработка и современное состояние вопроса об историческом развитии церковнославянского языка (ЦСЯ), на базе чего делается вывод о закономерности и обоснованности нового подхода к проблеме, а именно: рассмотрению ЦСЯ как исторически развивающейся динамической системы.

Само появление и в дальнейшем различная трактовка проблемы развития ЦСЯ обусловлены господствующей в языкознании методологией и действующей общей теорией языка, а также тесно связаны с постижением природы и сущностных характеристик ЦСЯ как лингвистического феномена. Так, осознание проблемы развития ЦСЯ оказалось возможным лишь с интерпретацией его как литературного и после преодоления младограмматического подхода к литературному языку как искусственному образованию. Впервые в таком ракурсе ЦСЯ стал рассматривать Н. Н. Дурново (1876–1937). Именно он ставит задачу изучения ЦСЯ как *литературного* (что в дальнейшем позволило прийти к пониманию специфической системности письменного языка, в отличие от языка разговорного) и формулирует принцип его развития (в частности, в сфере орфографии) как взаимодействие опосредованного живого языка и культурно-языковой традиции.

В современной научной литературе можно выделить три вопроса, непосредственно связанных с проблемой эволюции ЦСЯ, которые получили конкретное рассмотрение в работах славистов и в свете новых общелингвистических представлений стали дискуссионными, а именно: 1) применимость категории нормы для построения истории развития ЦСЯ; 2) определение факторов развития ЦСЯ; 3) совмещение описательного и объяснительного подходов к проблеме развития ЦСЯ.

Обсуждение первой проблемы связано с трудностями выявления в ЦСЯ единой нормы в принципе, тогда как именно динамика нормы традиционно составляет предмет рассмотрения историка литературного языка. Выделяется две группы решений. Первую объединяет идея Н. И. Толстого уловить наряду с нормативными тенденциями, исходящими из культурных «центров» «славяно-греческого мира», «инвариантный тип» ЦСЯ и проследить его эволюцию. Р. Пиккио для этого вводит понятие «изонормы» (Пиккио, 2003), а А. С. Герд предлагает выстраивать эталонные модели языка (Герд, 2003). Вторая группа решений характеризуется тем, что при построении истории развития ЦСЯ главным объектом рассмотрения становится узус (языковые навыки). В соответствии с этим главным стабилизатором языка признается не норма, а *традиция* (Л. Г. Панин). Традиция как «линия преемственности» (В. М. Живов) является речевым явлением, поэтому употребление этого термина по отношению к ЦСЯ кажется нам более оправданным: оно позволяет провести различие между книжным языком средневековья и

стандартным литературным языком нового времени, а также решить проблему соотношения изменчивости и стабильности в общем вопросе развития ЦСЯ.

Развитие узуса происходит как под влиянием внешних воздействий, так и в силу внутренних причин, поэтому в разряд дискуссионных перешел вопрос и о факторах развития ЦСЯ. Представление об искусственности ЦСЯ в совокупности с объективной консервативностью письменной формы существования языка явилось причиной того, что существование внутренних факторов его эволюции долгое время даже не подразумевалось. С развитием теории систем и экстраполяцией идей синергетики на область исторического языкознания (например, Е. В. Бондаренко, 2007), язык в целом стал определяться как система сложного динамизма, способная к самоорганизации. Некоторые наблюдения в области самоорганизации ЦСЯ были сделаны Е. М. Верещагиным (1997); «внутреннее движение» в области лексики ЦСЯ констатируется И. С. Улухановым (2003) и А. Ю. Мусориным (2002). В целом, современное состояние вопроса о факторах развития ЦСЯ настоятельно требует не столько изучать одни факторы в ущерб другим, сколько выяснить, в чем проявляется действие и тех и других в их тесной взаимосвязи. Ключ к решению поставленной проблемы может дать лишь динамический подход с первостепенным вниманием к узусу.

Обсуждение третьего вопроса вызвано двойственной природой языка, сочетающей в себе статическое и динамическое начало, что позволяет говорить о нем и как о деятельности, и как об историческом продукте этой деятельности. Как следствие, при рассмотрении общей проблемы эволюции ЦСЯ имеется две возможности: 1) рассматривать её в аспекте истории как дискретного процесса, т. е. выстраивать статическую или описательную модель развития; 2) рассматривать её в аспекте развития, т. е. конструировать динамическую или объяснительную модель развития. Совместить описательный и объяснительный подходы в историческом освещении развития языка позволяет лишь лингвотекстологический метод. Именно он направлен на реализацию принципа дополнительности двух способов моделирования, что соответствует двойственной природе языка и представляется наиболее оправданным при рассмотрении вопросов его эволюции.

В § 2 «Динамическая устойчивость и развитие церковнославянского языка» устанавливается объём понятия «развитие ЦСЯ» в свете определения ЦСЯ как динамической системы. С этой целью рассматриваются составляющие языкового динамизма и механизм появления изменений (п. 2.1); осуществляется дифференциация языковых изменений, среди которых определяются те, которые следует считать

развитием (п. 2.2); дается характеристика хронологического аспекта структурного и функционального развития ЦСЯ (п. 2.3).

В теории систем динамической считается система, существующая благодаря преобразованиям в структуре и функциях в ответ на влияние внешних факторов. Из данного определения следует, что такая система отличается: 1) особым характером взаимодействия со средой, или адаптивностью; 2) устойчивостью и целостностью во времени. Эти свойства, характеризующие и систему языка, мы рассматриваем как наиболее важные для понимания сущности его развития. Ориентируясь на модель развития систем с наследственностью, предложенную В. Д. Плаховым (1982), считаем, что динамика ЦСЯ как языка специфически письменного и не кодифицированного определяется двумя составляющими: во-первых, традицией, которая выступает необходимой основой языкового движения, создает предпосылки для языковых изменений, обуславливает их содержание и характер; и, во-вторых, адаптацией к условиям (среде) функционирования, которая инициирует процессы изменения, обеспечивающие как динамическую устойчивость языковой системы, так и её движение.

С опорой на общую теорию появления новаций в результате осуществления традиционной деятельности, известную как «теория социальных эстафет» (М. А. Розов), в параграфе дается интерпретация *механизма появления изменений (флуктуаций)* в языковой системе. Согласно данной теории, любая традиция передается и воспроизводится на уровне непосредственных образцов поведения и деятельности, индивидуальное усвоение которых служит основой для переосмысления и, соответственно, появления изменений². В результате динамику языка мы представляем как повторяющийся на разных уровнях цикл:

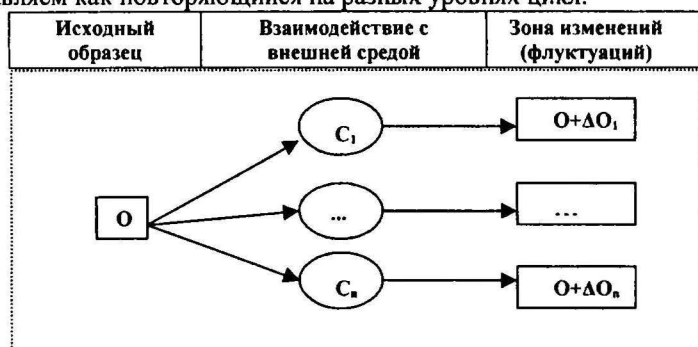

Рис. 1. Базовая схема появления флуктуаций в языковой системе.

² Розов М. А. Наука как традиция // В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. Философия науки и техники : учеб. пособие для вузов. М., 1996. С. 66–164.

Интерпретация схемы: любые языковые изменения ($\Delta O_1, \dots, \Delta O_n$) берут свое начало в речи в результате нетождественной реализации образцов языковой деятельности (O) в той или иной конкретной среде (C_1, \dots, C_n).

Традиция ЦСЯ в своей основе была задана определенными образцами, в качестве которых выступают первые переводы святых Кирилла и Мефодия. Овладение этим языком осуществляется так же, как и всяким другим, а именно: в образцах «выделяются особые ориентиры и фиксируются в системах индивидуальных представлений. Эти представления становятся средствами построения новой деятельности»³. Воспроизводство таких образцов и создание на их основе новых, т. е. функционирование ЦСЯ, неизбежно сопровождается появлением изменений (флуктуаций), которые либо ассимилируются традицией и входят в систему языка, либо такого закрепления не получают.

Изменения сопровождают два типа кинематических процессов, традиционно выделяемых для динамических систем: функционирование и развитие. В связи с этим возникает необходимость определить, какие изменения следует считать проявлением развития⁴. Анализ мнений по данному вопросу приводит к выводу о том, что главный принцип разграничения связан с информационным качеством системы. Пока изменения носят колебательный характер, т. е. не выходят за исторически заданные (традиционные) рамки, система сохраняет свое состояние. Такие изменения оказываются обратимыми и представляют собой варианты состояния. Как только возможность вернуться к прежнему состоянию в имеющихся условиях исчезает или имеет минимальную вероятность, изменения приобретают необратимый характер, что обуславливает появление нового качества системы. Используя другой уровень абстракции, результатом развития является возникновение новой традиции. В общем виде процесс развития мы представляем в виде схемы:

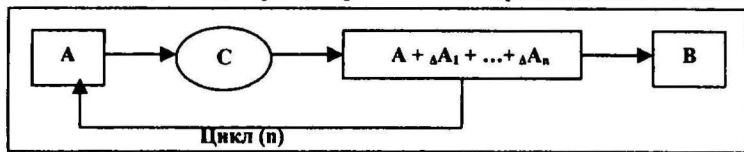

Рис. 2. Базовая схема процесса развития (диахронный аспект).

³ Щедровицкий Г. П. Естественное и искусственное в развитии рече-языка // Основные проблемы эволюции языка: материалы Всесоюз. конф. по общ. языкознанию, 9–16 сентября 1966 г. Самарканд, 1966. Ч. 1. С. 32.

⁴ В реальной действительности функционирование и развитие языка как взаимообусловленные и взаимосвязанные явления неотделимы друг от друга: развитие языка происходит в процессе его функционирования. Разграничение этих явлений осознаётся нами как необходимый методологический приём.

Интерпретация схемы: В результате функционирования (Цикл) образцов, заданных определенной языковой традицией (А), в различных средах (С) возникают многочисленные и не однонаправленные изменения ($\Delta A_1, \dots, \Delta A_n$), которые приводят к формированию новой традиции (В), представляющей качественно новое состояние языковой системы.

Принимая за основу идеи В. А. Аврорина о разграничении структурной и функциональной стороны языка, а также его трактовку системы и структуры, полагаем, что развитие языка проявляет себя в двух аспектах: 1) как необратимое изменение структурного качества, 2) как необратимое изменение функционального качества. Изменение структурного качества осуществляется не столько путем количественных приращений, сколько посредством перераспределения функций и перестройки связей и отношений между имеющимися (накопленными) элементами. Изменение функционального качества заключается в выходе системы на новый уровень функционирования, в результате чего преобразуются её внешние связи и общее положение в надсистеме. Структурное и функциональное развитие языка, будучи внутренне связанными, не совпадают во времени.

ЦСЯ, созданный как язык славянского богослужения, не ограничился в своем функционировании ни определенным локусом, ни строго рамками культа. При каждом новом передвижении как в пространстве, так и в сфере функционирования, язык адаптируется к новым условиям и задачам. На практике происходит образование множества речевых вариантов, которые не исчезают со временем, поскольку сохраняются в традиционных текстах. Таким образом происходит накопление фактов некоторого отклонения системы от исходного состояния равновесия (рис. 1: $\Delta O_{1\dots n}$). Защитным шагом собственной целостности и устойчивости системы является тенденция к наделению накопленных языковых ресурсов новой функциональной значимостью, закреплению за формами новых семантических оппозиций. Л. Г. Панин описывает такое поведение системы как «внутреннее упорядочение структуры языка», с которым он связывает становление ЦСЯ как самостоятельного и отдельного от русского литературного. Таким образом, происходят необратимые изменения структурного и функционального качества ЦСЯ (рис. 2: $A \rightarrow B$). Начало интенсификации данных процессов в отношении ко времени астрономическому приходится на XV век.

Необратимое изменение качества – это результат развития с диахронической точки зрения. Определяющую роль в нем играет фактор времени, который позволяет осознать любой процесс воспроизведения некоторого состояния и сопровождающие его изменения. Включая в себя принцип причинности, диахронический взгляд обеспечивает возможность выявить связи и взаимообусловленности элементов эволюционирующей во времени системы языка, рассмотреть механизм превращения одного

качества в другое, смену одной традиции другой. Если же фактор времени исключить одновременно, то мы получим «мгновенный снимок состояния системы» (В. К. Журавлев), или её синхроническое представление. Синхронический взгляд позволяет описать содержание системы, её сложность, определить совокупность составляющих её традиций. С теоретической точки зрения, моделью языка, в основу которой положено не временное распределение, а значимость и устойчивость элементов и связей, является поле, которое и представляет собой «мгновенный» срез структуры в её развитии. Проявление результатов изменения системы, включая развитие, в синхронном аспекте мы представляем схематично следующим образом:

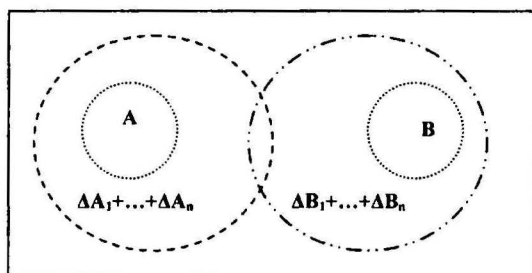

Рис. 3. Схема результата развития (синхронный аспект).

Интерпретация схемы: Наиболее стабильное и регулярное в воспроизводимых образцах составляет доминанту исходной традиции (A), а также задает границы характеризующего традицию качества (---), в пределах которого объединяются варианты реализации образцов ($\Delta A_1 + \dots + \Delta A_n$). Дифференцированное и конвенционализированное использование данных вариантов ($\Delta B_1 + \dots + \Delta B_n$) закрепляется как примета (---) другой традиции (B). Традиция B при этом может быть как производной от традиции A, так и самостоятельной, но не изолированной.

Эмпирически явления адаптивных и эволюционных процессов (рис. 3: $\Delta A_{1...n}$, $\Delta B_{1...n}$; рис. 2: A, B) наблюдаются в различиях между конкретными образцами языковой деятельности (рис. 1: $\Delta O_{1...n}$).

Носителями истории ЦСЯ являются письменные памятники как образцы языковой деятельности. Следовательно, анализ языка памятника, представленного большим количеством списков, позволяет реконструировать общие эволюционные процессы ЦСЯ. Наиболее стабильное и регулярное в этих списках задает качественные границы языковой традиции, тогда как различия в списках свидетельствуют о динамических процессах в ЦСЯ, включая развитие. С методической точки зрения, синхронное рассмотрение образцов речевой деятельности позволяет выявить различия, а диахронное – квалифицировать их как показатели определенного динамического процесса.

Вторая глава диссертации «Отражение развития церковнославянского языка в списках минейного Торжественника» направлена на верификацию выдвинутой гипотезы и объединяет в себе три параграфа. На основании анализа разночтений⁵ между текстами списков, находящихся в разной степени родства: относящихся к одному протографу (максимально родственные) (§ 1), к разным протографам в пределах одной редакции (§ 2), к разным традициям бытования сборника (§ 3), – дается содержательная (иначе: описательная) характеристика динамических процессов ЦСЯ. В начале каждого параграфа приводится сопоставительный анализ состава рассматриваемых списков, что в дальнейшем позволяет сделать выводы о единой природе динамики как ЦСЯ, так и рукописного сборника как системы.

Максимально близкородственные списки (Риж-1 и Увр-337), восходящие к одному протографу, демонстрируют наличие разночтений, которые по формальному признаку группируются на связанные с (1) употреблением букв **ѡ** и **ѣ** – 40%, (2) употреблением омофоничных⁶ букв – 25%, (3) сокращенным написанием слов – 15%, (4) употреблением буквы **ѣ** – 10%, (5) употреблением **ы** или **и** после заднеязычных – 2%, (6) явные ошибки и опiski – 8%.

Стратегию писцов рассмотренных нами текстов можно определить как стремление к точному копированию оригинала. Тем не менее, между списками фиксируются разночтения, основную роль в появлении которых сыграли индивидуальные вкусы писцов. Так, первичные отклонения от образца прослеживаются в реализации вариантных написаний, имеющих не фонетическую или семантическую мотивацию, а составляющих скорее графико-орфографическую оппозицию (например, при употреблении омофоничных букв и сокращений). Наиболее открытой для творческой модификации является позиция конца строки, что связано с восприятием текста не только как смыслового единства, но и единства графического. Это, в свою очередь, подтверждает высказанные А. Б. Страховым идеи о роли эстетического принципа в выборе графико-орфографического инструментария. В целом наличие разночтений в списках максимально высокой степени родства свидетельствует о том, что воспроизводимые образцы не имели абсолютно тождественной реализации.

⁵ Для номинации различий в списках одного и того же памятника мы придерживаемся устоявшегося в лингвотекстологии термина «разночтение»: именно он наиболее адекватно отображает обозначаемое понятие, поскольку указывает на текстовый характер материала, тогда как языковой статус репрезентируемого им явления может быть установлен только после специального анализа.

⁶ Буквы, имеющие различное начертание, но одинаковое произношение и значение.

Списки разных групп одной редакции (ИИ СО РАН и Риж-1, Увр-337) демонстрируют увеличение объёма и спектра колебаний: помимо индивидуальных реализаций графической системы, отмечены разночтения на фонетико-орфографическом, лексическом и морфологическом уровнях языка. Они знаменуют собой зоны неустойчивого состояния, в которых отмечены процессы сосуществования и конкуренции вариантов. Различия между списками появляются как результат модификации исходного образца в соответствии с индивидуальными лингвистическими представлениями писцов и репрезентируют соответствующие варианты реализации языковой системы.

На фонетико-орфографическом уровне выявлены различия, связанные с передачей иноязычной лексики, отражением диалектных явлений и ряда фонетических процессов живой древнерусской речи: ассимиляции по звонкости-глухости в группах согласных, упрощения групп согласных, развития группы $зр > зар$, а также сочетаний $гы$, $кы$, $хы$. Количественно преобладают разночтения, вызванные несовпадающим в индивидуальных писцовых практиках употреблением вариантов, противопоставленных по фонетическим признакам южнославянского и восточнославянского происхождения (68%): рефлексов $*dj$, $*tert$, редуцированного с плавным. Различия данной группы демонстрируют наличие конкурентных отношений между вариантами различной генетической отнесенности. Характер употребления гетерогенных вариантов во всех трёх списках свидетельствует об усилении значимости оппозиции по формальному признаку, что выразилось в тенденции к упорядочиванию написания не только по лексемам, но и по орфограммам. В ходе отбора предпочтение отдается наиболее простым и выразительным формам (написанию $жд$ по старославянскому образцу, адаптированному варианту неполногласия типа $ѣтѣ$, восточнославянскому рефлексу праславянских сочетаний редуцированного с плавным).

Существенное преобладание графических и фонетико-орфографических разночтений (~62%) в совокупности с тенденцией к унификации написания свидетельствует о формировании на конкурентной основе новых оппозиций, где различие вариантов начинает приобретать особую значимость, отличную от первоначальной. Изменения касаются прежде всего функциональной нагрузки соотносимых элементов: за ними постепенно закрепляется функция маркеров стиля.

На лексическом уровне между списками преобладают разночтения лексико-словообразовательного типа (95%). Наиболее многочисленными из них являются различия по префиксу (50%), охватывающие сферу глагольных лексем и отглагольных существительных. Общее направление замен в протографе Риж-1 и Увр-337 – отвлеченных вариантов на более

конкретные – демонстрирует установку переписчика на требование простоты и ясности изложения, соответствующее назидательной составляющей текста. Осуществленные замены придают отдельным отрывкам текста большую семантическую точность, но носят преимущественно индивидуальный характер и осуществляются в условиях ближайшего контекста. Список же ИИ СО РАН, стоящий ближе к оригиналу, отличается формально усложненными вариантами, но их употребление имеет последовательный и более согласованный в условиях целого текста гомилии характер. Многочисленность лексико-словообразовательных разнотений отражает общую активизацию словообразовательных потенций языка, а их характер свидетельствует о стилистическом поиске, а не о создании новых значений.

Различия между списками на основе морфологических отношений представлены корреляциями причастий с именными и личными глагольными формами, именными формами, противопоставленными на базе грамматического значения рода и падежа, глагольными формами, противопоставленными по видовому признаку, а также спорадическими формальными колебаниями в парадигмах именного склонения и глагольного словоизменения. Более близкий к архетипу список ИИ СО РАН в большей степени допускает проникновение новых общерусских и диалектных явлений, хотя и представленных единичными примерами. Более отдаленные от архетипа списки Риж-1 и Увр-337 отличаются тяготением к причастным формам, большей устойчивостью словоизменительных парадигм, а также введением в орфографическую практику нестяжённых форм имперфекта. Анализ разнотений свидетельствует о том, что колебания на морфологическом уровне носят вторичный характер и вызваны преимущественно возникновением новых значимых грамматических оппозиций в результате собственно восточнославянского языкового развития.

Общий вектор изменений в списках от ИИ СО РАН к Риж-1 и Увр-337 (по мере удаления от архетипа) соответствует тенденции к сужению диапазона варьирования внутри списка в связи с установкой на семантико-стилистическое выравнивание текста.

Различия между списками разных групп одной редакции свидетельствуют о наличии вариантных колебаний в пределах традиции, а также знаменуют собой зоны нестабильности, где проявляются динамические процессы. Характеризуя данные зоны, отметим, что колебания наблюдаются в двух случаях: в условиях нейтрализации системных оппозиций и в условиях возникновения нового различительного признака. Так, на фонетико-орфографическом уровне стирается четкость противопоставления по фонетическому признаку (в чем проявляют себя адаптационные процессы) и усиливается значимость

оппозиций по признаку формальному; как следствие, изменяется функциональная нагрузка графических знаков: они начинают использоваться как стилистическое средство. Нейтрализация в тексте системного лексического значения слова создает условия для поиска новых форм его выражения, в результате чего списки разных групп демонстрируют лексическую (преимущественно лексико-словообразовательную) вариантность. Морфологический уровень отличается наиболее высокой степенью устойчивости, однако и на нём отмечены зоны нестабильности, колебания в которых в значительной степени инициированы эволюционными сдвигами в системах именного и глагольного словоизменения древнерусского языка.

В списках, принадлежащих разным традициям бытования сборника, (Тхн-185 и Риж-1) различия прослеживаются по ядерным признакам представляемой языковой традиции, а также по количеству различаемых в ней оппозиций. Являясь наиболее отдаленными друг от друга в генетическом плане, списки демонстрируют качественное различие репрезентируемых состояний языковой системы, которое заключается в несовпадении реализуемых оппозиций, другими словами, в несовпадении информационной сложности. Данный факт свидетельствует о наличии явлений развития в системе.

На графико-орфографическом уровне списки отличаются принципиально разным характером орфографии. Риж-1 последовательно поддерживает ориентацию на древнюю восточнославянскую традицию ЦСЯ, без ярко выраженных русизмов и диалектных явлений. Тхн-185, напротив, выступает как маркированный член в оппозиции с Риж-1 и отклоняется от списков Новой традиции (и Риж-1, в частности) по ядерным признакам, стабильным в её пределах. К наиболее выразительным из них относятся неполногласные формы, *ц* на месте **tj*, *ж* на месте **dj* в существительных на *-ѣниѣ* и причастиях. Значимость двух первых признаков как маркеров церковнославянской традиции подтверждается более поздними правками в тексте Тхн-185.

Морфологические различия между списками прослеживаются по ограниченному набору признаков, которые представляют собой наиболее простые, частотные, регулярные и, как следствие, выразительные соответствия, релевантные и для противопоставления так называемых «книжного» и «разговорного» (диалектного) языков. В число данных признаков вошли глагольные формы прошедшего времени, личное местоимение 1 л. ед. ч., формы двойственного числа. Если Риж-1 поддерживает в целом последовательную, семантически и грамматически верную реализацию древней кирилло-мефодиевской грамматической традиции, то Тхн-185 представляет её трансформацию именно по

указанным характерным чертам. Именно в этих зонах новые формы разговорного русского языка (глагольные формы на -л, местоимение *я*, множественное число) вытесняют традиционные церковнославянские (простые претериты, двойственное число) на периферию или устраняют вообще (местоимение *язъ*). Вне этих признаков традиционный материал не претерпевает никаких изменений. В результате трансформации традиция в Тхн-185 предстает в новом качестве, отличном и от разговорного языка, и от «стандартного» церковнославянского.

Различия между списками на лексико-семантическом уровне свидетельствуют о двух самостоятельных и разнонаправленных путях лексического развития традиций. Суть преобразований, результатом которых явился текст списка Тхн-185, можно охарактеризовать как упрощение и русификацию, проявившие себя в отказе от употребления слов с ярко выраженными «нерусскими» чертами. В результате лексический состав Тхн-185 не представляет какого-либо целостного единства, а является крайне неоднородным. Качественно иной оказывается лексическая характеристика списка Новой традиции Риж-1. По совокупности отличающих его соответствий можно сказать, что в нем отсутствуют региональные слова и безусловные русизмы, а словоупотребление носит последовательный характер, ориентированный в своей основе на языковые традиции канонических церковнославянских памятников. Особо следует указать на употребление в Риж-1 лексики, прочно связанной с церковнославянской традицией, благодаря своему вхождению в терминологические сочетания и устойчивые выражения (оуспати, прѣсвѣрзати, въздвигнути), причем, что важно, употребление её за пределами этих сочетаний для перевода соответствующего по смыслу греческого слова. Не исключаем, что по своей функциональной нагрузке они выполняли роль маркеров церковнославянской традиции, равно как и введенные грецизмы (діаконъ, геона).

Анализ явлений синтаксического уровня рассматриваемых списков продемонстрировал наличие единой синтаксической основы текста, которая подверглась противоположно направленным изменениям. Текст списка Риж-1 стабилизирован в соответствии с узловыми признаками канонической книжно-письменной традиции, среди которых оборот дательного самостоятельного, оборот с одинарным отрицанием, согласованные причастия. Нельзя не отметить, что их употребление в списке носит осмысленный характер, предполагающий их сохранение, но не исключающий спорадического проникновения неспециализированных явлений (двойного отрицания, употребление кратких причастий для выражения вторичной предикативности, в том числе в несогласованном виде). Тхн-185 более свободен в своей реализации синтаксического

построения текста. Список в целом сохраняет традиционные маркирующие конструкции (дательный самостоятельный, причастия, включая обороты со страдательными причастиями), но не отражает какой-либо зависимости от них. Предполагаем, что маркирующая функция данных компонентов не была релевантной для писца-редактора, поэтому он не проявлял последовательности ни в их реализации, ни в их устранении.

Списки разных традиций обнаруживают дивергенцию по двум противоположно направленным векторам. Первый вектор, условно обозначаемый как «демократизация», связан с переосмыслением исходной традиции. Отсутствие при этом чётких представлений о ней приводит к размыванию ранее значимых противопоставлений и резкому увеличению вариантности внутри текста. Как следствие, происходит совмещение и хаотическое накопление гетерогенных и гетерохронных элементов, не дифференцированных функционально. Второй вектор направлен на стабилизацию исходной традиции, в результате чего происходит перераспределение и перестройка связей и отношений между накопившимися и зачастую уже афункциональными элементами, выстраиваются новые значимые оппозиции. В предшествующем состоянии выделяются наиболее частотные, регулярные и функционально однозначные компоненты, которые закрепляются как ядерные. Именно они становятся маркерами нового упорядоченного состояния системы.

В заключении делаются выводы и теоретические обобщения по исследованному материалу.

1. Между списками минейного Торжественника разной степени родства наблюдаются различия, вызванные модификациями состава и языка сборника. Данные различия знаменуют собой зоны нестабильности, где проявляются динамические процессы, связанные с развитием как рукописного сборника в целом, так и языка составляющих его текстов.

2. По результатам исследования выявлено и теоретически обосновано три категории динамических процессов, составляющих системное бытие ЦСЯ:

1) Первичные языковые флуктуации. К ним относятся неустойчивые кратковременные и разнонаправленные изменения колебательного характера. В векторном представлении абсолютное значение каждого отклонения достаточно мало, а их равнодействующая стремится к нулю.

2) Процессы варьирования. К ним относятся сравнительно устойчивые отклонения от условного языкового образца, не затрагивающие его сущностных характеристик. Векторная сумма таких отклонений задает направление языкового дрейфа. На уровне образцов его обеспечивают конкурирующие отношения между вариантами, в результате которых либо

один вариант побеждает, либо варианты получают дифференцированное употребление.

3) Процессы развития. К ним относятся необратимые сущностные сдвиги, в результате которых возможно говорить о новом структурном и функциональном качестве системы, репрезентируемой условным образцом. Мерой качества служит информационная сложность данной системы и функциональное распределение её средств. Эмпирическим следствием развития можно считать возникновение новой традиции воспроизведения условного языкового образца. На основании полученных результатов мы можем заключить, что с позиций системной динамики возникновение новой лингвистической редакции представляет собой смещение системы, т. е. является репрезентацией её качественно нового состояния, знаменующего собой процесс развития. Одно из таких смещений отразила *Новая редакция* минейного Торжественника. Однако и новое состояние оказывается лишь относительно устойчивым, поскольку реализует себя во множестве своих вариантов.

Таким образом, гипотеза о том, что языковые различия в списках памятника церковнославянской письменности с длительной традицией рукописного бытования свидетельствуют о динамике ЦСЯ, получила подтверждение на эмпирическом материале минейного Торжественника.

3. Выявленные в ходе исследования закономерности позволяют заключить, что каждая категория процессов охватывает собственную языковую зону (рис. 4).

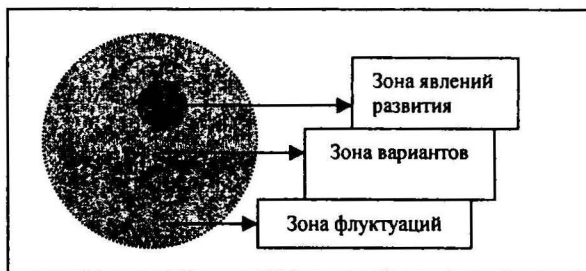

Рис. 4. Схема распределения динамических процессов при полевом представлении системы языка.

Интерпретация схемы: При полевом представлении системы языка, где центр является сущностным «репрезентатором» системы, а периферия – «ресурсной базой» (Каганский, 2004), флуктуации будут ограничены периферией, вариантные колебания займут смежную зону (между периферией и центром), а развитие будет наблюдаться в изменениях центра.

Эмпирическое отражение выявленной закономерности наиболее наглядно проявило себя на лексическом уровне. Так, между списками разных традиций, демонстрирующих явления развития, преобладают собственно лексические различия; в списках одной традиции их доля значительно уменьшается, зато основную массу составляют лексико-словообразовательные варианты. Списки, минимально отстоящие друг от друга на оси лингвистического времени, различий на лексическом уровне не обнаруживают, но отражают колебания в орфографическом оформлении лексем.

4. Наличие динамического начала характеризует систему ЦСЯ как открытую, отвечающую на изменения в окружающей эту систему среде (как вербальной, так и не вербальной). Именно внешние взаимодействия инициируют процессы изменения, обеспечивающие системе церковнославянского языка адаптивную устойчивость.

5. Проведенное исследование обеспечивает определенную конкретизацию событий на участке лингвистического времени, связанного с выделением ЦСЯ в самостоятельный идиом, определяемый условным термином «язык-консервант». Полагаем, что дальнейшее изучение свойств «языка-консерванта» следует сочетать с представлением об открытом и динамическом характере церковнославянской языковой системы.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией:

1. Белоус А. А. Списки Торжественника XV века: традиция и новации в языке // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 2: Филология. – С. 59–64.
2. Белоус А. А. Отражение динамики церковнославянского языка в близкородственных списках Торжественника // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 2: Филология. – С. 3–9.

Публикации в других изданиях:

3. Белоус А. А. Язык минейного Торжественника (нач. XV в.) из собрания Библиотеки Академии наук // Τέχνη γραμματικῆ: (искусство грамматики). – Новосибирск, 2006. – Вып. 2. – С. 103–109.
4. Белоус А. А. Варьирование в близкородственных списках минейного Торжественника // Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск, 2007. – С. 108–111.

5. Белоус А. А. Минейный Торжественник начала XV века (БАН-8): особенности языка // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. – Новосибирск, 2008. – Т. 2. – С. 61–69.
6. Белоус А. А. Состав Торжественника из собрания рукописей Н. С. Тихонравова // Τέχνη γραμματικῆ: (искусство грамматики). – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 32–79.
7. Белоус А. А. Фонетические и морфологические особенности минейного Торжественника н. XV века // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008. – С. 101–107.
8. Белоус А. А. Модификация состава и языка минейного Торжественника в списках Новой редакции // Сибирь на перекрестье мировых религий: материалы Четвертой межрегион. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 93–97.

Подписано в печать 3.11.2009.

Печать офсетная.

Заказ № 386

Формат 60х84/16

Уч.-изд. л. 1,25.

Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский центр Новосибирского госуниверситета
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

